

Видимо, усилия не прошли даром, а может, недавний переполох даже пробудил скрытый потенциал Цюй Хайяо. Как бы то ни было, после возобновления съёмок он показывал удивительно хорошую форму. Отдохнув пару дней в отеле, он почувствовал, что травма на лодыжке действительно зажила значительно лучше. Оставшиеся сцены с участием Хуанфу Юйхуа в основном были боевыми, и Цюй Хайяо, чьи ноги стали более подвижными, снимался быстро и уверенно, совсем не как новичок в жанре боевиков.

Благодаря его отличной работе и быстрому прогрессу рабочий график Цюй Хайяо также сократился. И не только у него — вся съёмочная группа, от актёров до сотрудников, казалось, вошла в состояние наилучшей формы. Работа, которая изначально планировалась на пять дней, была практически завершена за три. Когда в пятницу появился список съёмочных заданий, в сердце Цюй Хайяо поднялась волна волнения.

После двух сцен, снятых ранним утром, он официально завершит свои съёмки.

Накануне вечером Цюй Хайяо закончил работу раньше и вернулся в отель, чтобы отдохнуть и набраться сил перед ночной съёмкой. Возможно, он слишком серьёзно к этому отнёсся, потому что лёг спать уже в восемь вечера, но заснул только после десяти, проспав всего два часа, пока будильник на телефоне не разбудил его в половине первого. Проснувшись, Цюй Хайяо чувствовал себя словно в тумане, позволяя Сяо Гао делать с ним всё что угодно, и даже готов был позволить ему почистить зубы и умыться за себя.

К счастью, когда они доехали до съёмочной площадки, Цюй Хайяо пришёл в себя и выглядел бодрым и свежим. Сотрудники съёмочной группы тоже лишь слегка вздремнули перед тем, как снова взяться за работу. Все выглядели немного уставшими, что делало Цюй Хайяо единственным, кто выделялся своей энергичностью, словно гиперактивный ребёнок.

Сцены, требующие определённых условий освещения, особенно сложны для съёмочной группы, и время в списке заданий было строго ограничено. Цюй Хайяо прибыл на площадку в два часа ночи, но подготовка заняла столько времени, что съёмки начались только в половине четвёртого.

В это время года рассвет наступал не так поздно, как зимой. Небо перед рассветом было окрашено в тёмно-синий цвет, а воздух был наполнен прохладной влагой, которая накопилась за ночь. Это не было освежающе, но заставляло чувствовать себя бодрее. Цюй Хайяо поднял лицо и глубоко вдохнул влажный воздух, уже настроившись на роль Хуанфу Юйхуа.

Совпадение заключалось в том, что последние две сцены Цюй Хайяо были также финальными сценами в сценарии. Вэй Ли, достигший великого мастерства, но потерявший свою внешность, в одиночку превратил Школу Небесного Свода в кровавое месиво. Хуанфу Дуань, который был тяжело ранен Мечом Небесного Свода Вэй Ли, практиковавшим технику Школы Небесного Свода, узнал, что этот юноша, которого он ненавидел, предавал и мучил, на самом деле был его сыном от любимой женщины.

Тяжёлый удар и внезапное возбуждение обрушились на это израненное тело, серьёзно повредив разум Хуанфу Дуаня. Он то плакал, то смеялся, то кричал, а после приступа безумия умер, истекая кровью. Жена Хуанфу, всю жизнь жившая в тени жены владельца Долины Мрака, Чи Инхэ, столкнувшись с этими событиями, не смогла больше сдерживать свои скрытые страдания, боль и ревность. Она сорвала маску добродетели и скромности, которую носила все эти годы, и, словно обезумев, схватила нож, чтобы отомстить Вэй Ли.

Но в этот момент Вэй Ли уже не хотел никого убивать. Вся его жизнь прошла в лжи и абсурде,

и даже если он убьёт всех здесь, он всё равно не сможет понять, что правда, а что ложь, зачем он живёт и ради чего должен жить.

Если сердце уже потеряно, какой смысл держать в руках меч? Немая девушка прижала свою белую шею к лезвию Меча Небесного Свода Вэй Ли, но он внезапно отпустил оружие, и великолепный меч с грохотом упал на землю. Это не имело ничего общего с любовью.

В этой сцене с участием нескольких персонажей Хуанфу Юйхуа играл второстепенную роль, и Цюй Хайяо мог сосредоточить больше внимания на Вэй Ли. Этот персонаж с самого рождения был окутан глубокой трагедией, и даже единственная яркость и красота в его жизни были лишь притворством, чтобы приблизиться к нему. Вэй Ли должен был уже оцепенеть от трагедии, но в дни и ночи, проведённые в Школе Небесного Свода, готовясь к этой кровавой ночи, он увидел обычные, простые, полные жизни моменты счастья.

Старший брат прикрывал младшего, который сбежал с горы, чтобы поиграть, младшие сёстры помогали старшей передать тайное послание её возлюбленному, полуобгоревшая курица, украденная из кухни, кости и карты, спрятанные под кроватью, повседневные заботы, румяна и пудра — всё это было тем миром, с которым Вэй Ли никогда не сталкивался. Этот мир, окружавший его каждый день, проник в его глаза, уже затуманенные железом и кровью, и показал ему то, чего он никогда раньше не видел.

Хуанфу Юйхуа, испытывая боль от раны, смотрел в глаза Вэй Ли. Эти глаза были на самом деле простыми, неспособными вместить слишком много сложного. Правда о его происхождении добавила в них слои растерянности помимо оцепенения и пустоты. Весь в крови, с лицом, искажённым, как у злого духа, и телом, окоченевшим от долгого боя и множества ран, он выглядел так, что его оцепенение, пустота и растерянность заставляли сердце сжиматься, а горло сдавливать.

Этот персонаж был разбивающим сердце. Неизвестно, повлиял ли Хуанфу Юйхуа на Цюй Хайяо, или же восприятие Цюй Хайяо как наблюдателя повлияло на Хуанфу Юйхуа, но сейчас он думал, что Жун И действительно великолепен. Предыдущие сцены были ещё терпимы, но в сегодняшней сцене Вэй Ли не только излучал глубокую печаль, но и вычертил дугу развития персонажа прямо в этой сцене.

Жун И прекрасно передал ещё одно изменение в состоянии Вэй Ли, когда его сердце было уже мертво. Ужасный грим, костюм, пропитанный кровью, и искусственно созданная скованность тела стали инструментами его актёрской игры. Что значит «играть всем телом», Цюй Хайяо увидел на примере Жун И.

Настоящий мастер актёрского искусства... Когда Цюй Хайяо впервые смотрел фильм Жун И «Душа песни», он не мог понять, как человек без актёрского опыта, без профессионального обучения и подготовки, смог так естественно сыграть тринадцать ролей? Как он смог создать такую органичную и одновременно леденящую душу игру? Теперь, увидев эту сцену с Жун И, Цюй Хайяо не мог не признать, что в мире действительно существуют такие таланты.

Ассистент Жун И, Сяо Нянь, сразу после завершения съёмки подбежал к нему, чтобы накинуть два толстых пуховика и принести большой напиток, чтобы согреться. Цюй Хайяо был немного ошеломлён. Температура ранним утром действительно была низкой, но, как бы то ни было, весна уже наступила, и холод был не таким сильным. Более того, Жун И, казалось, был в хорошей физической форме, так что не было необходимости так спешить согреться.

Гуань Сяоцзюнь тоже накинул на Цюй Хайяо одежду и, увидев его недоумённый взгляд, тихо

объяснил:

— Говорят, учитель Жун, чтобы уложиться в сроки и снять сцену с первого дубля, специально принял холодный душ перед гримом, чтобы тело стало скованным.

Цюй Хайяо был ошеломлён. Он посмотрел на небо, где уже начинало светать, что было подходящим для следующей сцены. Если бы предыдущая сцена не была снята с первого дубля, освещение для следующей действительно могло бы быть не таким удачным. Он снова посмотрел на Жун И, который пил напиток и поправлял грим. Две минуты назад Цюй Хайяо восхищался тем, что в мире есть такие актёрские таланты, а теперь он вспомнил известное высказывание Эйнштейна, висящее в классах школ и университетов: «Гений — это 1% таланта и 99% труда».

Оставшаяся сцена была в основном с участием трёх персонажей: Вэй Ли, немая девушка и Хуанфу Юйхуа. В Школе Небесного Свода было больше раненых, чем погибших, но глава школы и его жена оба погибли. Хуанфу Юйхуа похоронил своих родителей и взял на себя ответственность за восстановление школы, став главой вместо наследника. Хотя он и Вэй Ли были братьями по крови, они виделись лишь несколько раз; и хотя виделись лишь несколько раз, их ситуации были похожи.

Оба жили в лжи, не зная, где правда, а где ложь. Но по сравнению с Вэй Ли, Хуанфу Юйхуа был гораздо удачливее.

— На самом деле... ты мог бы остаться, — Хуанфу Юйхуа всё же не хотел, чтобы Вэй Ли уходил.
— Если рассказать всем твою настоящую историю, ты мог бы остаться и помочь мне восстановить Школу Небесного Свода.

Вэй Ли напряжённо улыбнулся — он редко улыбался, а теперь, с лицом, покрытым шрамами, его улыбка выглядела ещё более пугающей и неестественной:

— Уважаемая школа... Уже после всего этого, давай не будем портить её репутацию.

<http://bllate.org/book/16304/1470855>